

УДК 8

МОТИВ СТРАННИЧЕСТВА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ

Сахатова А. Ф.

*Старший преподаватель кафедры русского языка,
Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета
Азади,
Ашгабад, Туркменистан*

Артыкова Г.

*Студент,
Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета
Азади,
Ашгабад, Туркменистан*

Атаев М.

*Студент,
Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета
Азади,
Ашгабад, Туркменистан*

Аннотация

Настоящая статья представляет собой развернутый обзор мотива странничества в русской поэзии и прозе от фольклорных истоков до постмодернистских трансформаций. Анализируется эволюция мотива как архетипического образа, воплощающего духовные, социальные, философские и экзистенциальные поиски русского человека в контексте исторических катаклизмов. Особое внимание уделено семантике пути как метафоры внутреннего паломничества, символике бездомья и скитаний, а также специфике его воплощения в лирических и эпических формах. Рассматриваются ключевые этапы: фольклор и религиозные корни, классицизм и романтизм, реализм XIX века, серебряный век, советский период, оттепель, постсоветская проза и поэзия. Работа выявляет преемственность мотива, его адаптацию к эпохальным сдвигам и роль в формировании национального самосознания.

Ключевые слова: мотив странничества, русская литература, поэзия, проза, духовные искания, скитальчество, путь, странник, символизм, романтизм, реализм, постмодернизм, архетип, экзистенциализм, национальная идентичность, фольклор, православие, серебряный век, советская литература, современность.

THE MOTIF OF WANDERING IN RUSSIAN POETRY AND PROSE

Sahatova A.F.

Senior lecturer of Department of Russian language

Dovletmammets Azadi Turkmen National Institute of World Languages,

Ashgabat, Turkmenistan

Artykova G.

Student,

Dovletmammets Azadi Turkmen National Institute of World Languages,

Ashgabat, Turkmenistan

Atayev M.

Student,

Dovletmammets Azadi Turkmen National Institute of World Languages,

Ashgabat, Turkmenistan

Abstract

The present article provides a comprehensive overview of the motif of wandering in Russian poetry and prose, from its folkloric origins to its postmodern transformations. The analysis examines the evolution of this motif as an archetypal image embodying the spiritual, social, philosophical, and existential quest of the Russian people in the context of historical cataclysms. This text focuses on the semantics of the path as a metaphor for an inner pilgrimage, the symbolism of homelessness and wandering, and the specifics of its embodiment in lyrical and epic forms. The key periods examined in this study include folklore and religious roots, classicism and romanticism, 19th-century realism, the Silver Age, the Soviet period, the Thaw, and post-Soviet prose and poetry. The work demonstrates the continuity of the motif, its adaptation to epochal shifts, and its role in the formation of national identity.

Keywords: pilgrimage motif, Russian literature, poetry, prose, spiritual quest, wandering, path, wanderer, symbolism, romanticism, realism, postmodernism, archetype, existentialism, national identity, folklore, Orthodoxy, Silver Age, Soviet literature, modernity.

Введение

Мотив странничества занимает центральное место в русской литературе, выступая фундаментальным архетипом, который отражает вечное движение души в поисках истины, Бога, самопознания и смысла бытия. В отличие от западноевропейского образа путешественника, акцентирующего географическое и колониальное открытие, русский странник символизирует внутренний, часто

мученический путь, сопряженный с бездомьем, страданием и отвержением мирских ценностей. Этот мотив укоренен в православной традиции паломничества, фольклорных сказаниях и житийной литературе, где скиталец предстает носителем коллективного сознания, мессианским искателем гармонии в хаосе. [4]

Эволюция мотива прослеживается через призму литературных эпох: от сакрального подвига в фольклоре к романтическому бунту, реалистическому социализму, модернистскому нигилизму и постмодернистской иронии. В поэзии он обретает лирическую интенсивность, фокусируясь на субъективном переживании пути, в прозе же становится сюжетным стержнем, раскрывая социальные и психологические конфликты. Цель настоящей работы – систематизировать историческое развитие мотива, выявить его поэтические и прозаические специфики, проанализировать связь с культурно-философским контекстом, включая влияние православия, славянофильства и экзистенциализма. [2]

Методологически статья опирается на сравнительно-исторический подход, семантический анализ и интертекстуальные связи, позволяющие проследить трансформации образа странника от прототипа к современным аллюзиям. Актуальность исследования обусловлена возрождением мотива в контексте глобализации и миграционных кризисов, когда русский путь вновь обретает значение идентификационного маркера. [2]

1. Фольклорные и религиозные истоки мотива

В русском фольклоре мотив странничества предстает как священный подвиг, где физический путь служит метафорой духовного очищения и инициации. Былины о богатырях – Садко, Илье Муромце или Добрыне Никитиче – вводят образ скитальца, странствующего «за три моря» или по «трём девятым царствам», преодолевая хаос ради восстановления космической гармонии. Здесь странничество не просто перемещение, а ритуал: герой проходит испытания, обретает мудрость и возвращается, неся спасение народу. Фольклорная тропа подчеркивает цикличность пути – от дома к бездомью и обратно, символизируя вечное обновление. [4]

Православная традиция усиливает сакральный пафос мотива, превращая странника в «нищего Христова», отвергающего оседлость во имя вечности. Жития Сергия Радонежского, Сергия Валаамского или Серафима Саровского рисуют паломника как искателя «Иерусалима небесного», чьи скитания по святым местам – подражание Христу-страннику. В народных духовных стихах, таких как «Странник» или «О скитаньи по святым местам», скиталец поет о бездомье как о кресте: «Ой, ты, гой еси, Русь моя, / Скитаюсь по тебе я, / Ни дома,

ни пристанища». Эта лирика закладывает бинарность: путь как спасение и одновременно проклятие, свобода и мука. [3]

Фольклорно-религиозный синтез формирует прототип литературного странника: бродяга с сумой, паломник с посохом, чье странствование противопоставлено оседлости «дома». Эта оппозиция (дорога/дом) становится семантическим ядром мотива, проецируясь на всю последующую литературу и определяя его амбивалентность – от эсхатологической надежды к экзистенциальному отчаянию. [3]

2. Странничество в поэзии XVIII–XIX веков

В поэзии классицизма XVIII века мотив странничества приобретает просветительский оттенок, сохраняя мистический подтекст фольклора. У Ломоносова в одах и «Письме о пользе стекла» путь символизирует просвещение разума и научное открытие, но уже с аллюзиями на божественное странствование души к свету. Державин в «Фелице» вводит императорский мотив: странник-поэт скитается по России в поисках идеального правителя, отражая петровскую имперскую идею. Классицистическая поэзия рационализирует скитания, превращая их в аллгорию гражданского долга. [1]

Романтизм XIX века радикализирует мотив, делая его выражением бунта и ностальгии. Пушкин в лирике «К морю», «Бахчисарайском фонтане» и «Кавказском пленнике» создает образ экзотического скитальца, ищущего забвения в чужих пейзажах: «Прощай, свободная стихия!». В «Евгении Онегине» Онегин – байронический бродяга, чье странствование – бегство от пустоты. Прозаические мотивы проникают в поэзию: в «Повести Белкина» странник-рассказчик иронизирует над чужими судьбами. Лермонтов углубляет демонизм: «Демон» – вечный изгнанник, чьи скитания – мука отверженности, а Печорин в «Герое нашего времени» воплощает романтического нигилиста: «Я легок, как перо». [1]

Поэзия Тютчева и Фета добавляет метафизический слой: «Silentium!» Тютчева – призыв к внутреннему странствию за пределы слова, а фетовские элегии – ностальгическое скитательство памяти по утраченному раю. Некрасов социализирует мотив: «Размышления у парадного» рисуют нищего поэта, блуждающего по петербургским трущобам в поисках справедливости. Таким образом, поэзия эпохи эволюционирует от классической аллгории к романтическому индивидуализму, закладывая основу для модернистских исканий. [1]

3. Мотив в реалистической прозе XIX века

Реализм XIX века переводит странничество из романтической сферы в социальный и психологический план, сохраняя духовную глубину. У Гоголя в

«Мертвых душах» Чичиков предстает профанным странником: его путь по российским губерниям маскирует сатанинский замысел, а знаменитая русь-тройка из финала символизирует национальное скитание без цели и пристанища – «Русь, куда ж несёшься ты?». Гоголевская дорога полна гротеска: постоянные дворы и проселки оборачиваются адом человеческих пороков. [1]

Гончаров в «Обломове» противопоставляет оседлость обломовщины активному страннику Штольцу: путешествие за границу – метафора европеизации против славянской неподвижности. Тургенев в «Записках охотника» вводит фольклорного скитальца-охотника, чьи рассказы у костра возрождают народную мудрость, а в «Дворянском гнезде» Лаврецкий – изгнанник, ищущий корни в странствиях по России. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города» сатиризирует бюрократическое бродяжничество чиновников. [4]

Достоевский и Толстой доводят мотив до экзистенциальной кульминации. У Достоевского в «Записках из подполья» подпольный человек – внутренний странник ада самоуничтожения, а старец Зосима учит «хождению в мир как в Иерусалим». Пьер Безухов в «Войне и мире» Толстого – вечный искатель: его плен, масонство и духовные скитания – путь к вере. В «Анне Карениной» Вронский уезжает на войну как странник от вины. Толстой лично воплощает мотив в «Исповеди», где духовное странничество – кризис и обретение Бога. Реализм таким образом демистифицирует путь, но усиливает его этическую нагрузку. [3]

4. Серебряный век: поэзия скитальчества

Серебряный век возводит странничество в центральный мотив модернистской поэзии, отражая кризис культуры и потерю корней. Блок в «Снежной маске», «Двенадцати» и «Возмездии» создает апокалиптического странника: «Идут, шатаясь, пьяные, / Впереди – с пулеметом». Путь через революционный хаос ведет к Иисусу, символизируя мессианское скитание России. Блоковский странник – мистический бродяга, чьи шаги эхом отзываются в урбанистическом аду. [1]

Анна Ахматова в «Реквиеме» и «Поэме без героя» вводит мотив тюремного и исторического странничества: «Хочу я называть их своими / По именам до смерти». Мандельштам в «Камне» и «Воронежских тетрадах» ностальгирует по петербургскому скитанию: «Я вернулся в мой город, знакомый до слез, – / Так с отчаяньем тысячи лет». Его путь – экзилия памяти в сталинском аду. Гумилев романтизирует экзотический мотив: африканские стихи («Жираф», «Капитаны») воспевают далекие странствия как побег от мещанства. [2]

Футуризм и акмеизм добавляют динамики: Маяковский в «Облаке в штанах» и «Владимире Ильиче» – урбанистический бродяга, бегущий по

мегаполису в поисках любви и революции; Хлебников в «Защиты смехом» странствует во времени и мифах. Цветаева провозглашает: «Поэт – вечный странник, / Ему – вся земля пристань». Поэзия Серебряного века превращает скитание в метафору модернистского разрыва с традицией. [1]

5. Странничество в прозе Серебряного века

Проза Серебряного века углубляет психологический и символический измерения мотива. У Андреева в «Иуде Искарите» и «Красном смехе» Иуда – предатель-странник, чьи ночные блуждания – вина и безумие; путь оборачивается паранойей. Бунин в «Темных аллеях» и «Жизни Арсеньева» рисует любовное странствование как иллюзию вечности: герой скитается по Европе, теряя и обретая воспоминания. [2]

Куприн в «Поединке» и «Яме» вводит мотив казарменного и социального бродяжничества: Ромашов – офицер-изгнанник в рутине империи. Ремизов в «Пруде» и «Среди мурья» оживляет фольклорных странников-беспризорников, чьи сказки полны демонического пути. Сологуб в «Мелком бесе» создает внутреннего скитальца ада провинциального быта: Персианов – двойник, блуждающий в кошмарах. [3]

Метафизическая проза Беляева и Арцыбашева усиливает нигилизм: в «Голова профессора Доуэля» путь – через науку к бессмертию, но с трагическим финалом. Странничество здесь отражает модернистский беспредел: герой блуждает без телоса, теряя связь с реальностью и Богом.

6. Советский период: идеологизированное странничество

В советской поэзии раннего периода мотив трансформируется в пролетарский пафос коллективизма. Маяковский в «Влево!» и «150 000 000» – трибун на пути революции: «Ломая скалы, / Как по-кошачьи прыгали взводы». Его лирика – динамичное скитание по фабрикам и фронтам. Есенин в «Поэме о 64», «Анне Снегиной» ностальгирует по деревенскому странствию: «Гой ты, Русь моя родная, / Хаты – в ризах недоеденных» – мотив утраченного пути. [2]

Хлебников и Северянин продолжают авангард: футуристическое странствование во времени контрастирует с эмигрантским мотивом у Северянина. Поздний советский период – Багрицкий, Луговской – романтизирует индустриальный путь: «Смерть пионервожатой» – героическое бродяжничество юности. Блокадная лирика Ахматовой и Бергольца – скитание смерти: «Февраль. Достаньте чернила и плачьте!». Идеология подчиняет мотив, но трагизм прорывается. [1]

Проза Горького («На дне», «Жизнь Клима Самгина») романтизирует бродяжничество как школу революции: Сатин – философ-странник дна.

Платонов в «Чевенгуре» и «Котловане» вводит коммунистических скитальцев: путь к утопии через пустыню абсурда, где дорога – мираж. [3]

7. Послевоенная и оттепельная литература

Послевоенная поэзия Вознесенского («Мастеров военных рук»), Евтушенко («Наследники Сталина») урбанизирует мотив: путь поэта по СССР – от Баку до Владивостока, символизируя обновление. Окуджава в «Арбатском мальчике» и песнях – лирика фронтового странника: «Варежка» – ностальгия по тропам войны. Рок-фолк Высоцкого добавляет бунтарский оттенок: «Песня о друге» – альпинистское скитание риска. [4]

Оттепельная проза Твардовского («Василий Теркин») создает народного героя-путешественника: Теркин – странник фронтовых дорог, воплощающий стойкость. Вознесенский в прозе «Оза» – космическое скитание интеллигенции. Астафьев в «Последний поклон» ностальгирует по сибирским тропам: путь – память о потерянном детстве. [4]

Гуманистический пафос эпохи очищает мотив от пропаганды: Слуцкий, Окуджава подчеркивают личный, этический путь в тоталитарном ландшафте, где дорога – пространство свободы.

8. Странничество в русской прозе второй половины XX века

Деревенская проза Валентинова Распутина («Прощание с Матерой», «Век живи – век люби») вводит мотив исхода: путь от корней к бездомью, символизируя экологический и культурный апокалипсис. В «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицына лагеря – адское странствование души: зэки скитаются по этапам в поисках человечности. [3]

Трифонов в «Доме на набережной» и «Старикам здесь не место» – внутренний путь интеллигенции через сталинские репрессии. Битов в «Пушкинском доме» – филологическое скитание по текстам и Петербургу. Астафьев в «Царь-рыбе» – экологическое бродяжничество по тайге: браконьеры – профанные странники природы. [4]

Экзистенциальная проза Тендрякова, Гранина усиливает абсурд: путь – бессмысленный круг в социальном аду, где герой ищет аутентичность в блужданиях.

9. Постмодернизм и современная поэзия

Постмодернизм иронизирует странничество, фрагментируя его в метатекст. Прасолов в «Я жил в тени Толстого» – бродяга по литературным мифам. Лев Рубинштейн – перформанс-странник карточек: путь по фрагментам дискурса. Гандлевский в «Пифагорова штанина» – московский фланёр, скитающийся по постсоветскому хаосу. [3]

Современники – Прилепин («Патологии»), Сорокин – военное и языковое бродяжничество. Поэзия Бродского (эмигрантская ветвь) – глобальное скитание: «На свободу» – путь в никуда. Мотив фрагментируется в глобализм: путь – гипертекст интернета и миграции. [3]

Женская поэзия (Гандлер, Кушнер) добавляет гендерный слой: скитание как феминистский бунт против очага.

10. Странничество в современной русской прозе

У Пелевина («Чапаев и Пустота», «Empire V») путь – буддийское колесо сансары. Петр – странник галлюцинаций. В «Generation П» – постмодернистское бродяжничество по медиапространству: Вавилон Татарский – номад симулякров. Водолазкин в «Лавре» и «Авиаторе» возрождает житийный мотив: Арсений – средневековый странник, чьи скитания – круг времени. [3]

Шишкин («Венерин волос», «Письмовник») – глобальный номад: герои странствуют по культурам, теряя идентичность. Латынина («Как раки по деревьям») – женское скитание в криминальном ландшафте. Проза Улицкой («Медея и ее дети») – мифологический путь матриархата. [3]

Мотив актуализирует миграцию, цифровизацию и постколониализм: путь – гипермобильность без корней.

11. Символика и семантика мотива

Символика пути полисемична: дорога – крестный ход, бездомье – свобода/плен, сума – ноша грехов. В поэзии (Блок) – метафора вдохновения, в прозе (Гоголь) – сюжетный двигатель. Цветовая гамма: белая Русь, черные тени, золотой Иерусалим. [1]

Семантика эволюционирует: сакральное (фольклор) → романтическое (Пушкин) → социальное (Некрасов) → экзистенциальное (Достоевский) → ироническое (Пелевин). Лексика: «дорога», «путь», «скит», «странник» – архаизмы в модернистском контексте. [1]

Архетип странника универсален, но в русской традиции мессиански нагружен.

12. Гендерные и психологические аспекты

Женское странничество (Цветаева, Ахматова) – бунт против патриархального очага: «Мне нужна трагическая страна» (Цветаева). Мужской мотив – героический поиск, женский – жертвенность и память. Современная проза (Улицкая) гендеризирует путь как миграцию идентичности. [2]

Психологически мотив – шизоидность: одиночество как цена прозрения (Лермонтов). Фрейдистски – блуждание Эго по Иду; лакановски – к Большому Другому без возврата.

13. Сравнительный анализ поэзии и прозы

Поэзия фокусирует лиризм пути (символисты: момент экстаза), проза – эпос странствий (Достоевский: хронотоп дороги). Общее – катарсис через блуждание: поэтический – аффект, прозаический – нарратив. [4]

Аспект	Поэзия	Проза
Хронотоп	Момент пути (Блок)	Эпическая дорога (Гоголь)
Функция	Лирическое переживание	Сюжетный конфликт
Символика	Внутренний лабиринт	Социальный пейзаж

Заключение

Мотив странничества остается хребтом русской литературы, отражая мессианское самосознание нации. От фольклора к постмодернизму он адаптируется, сохраняя архетип пути – к Богу через страдание и бездомье. В эпоху глобализации мотив обретает новые формы.

Библиографический список

1. Автухович Т. Миф о Дедале и Икаре в русской поэзии XIX–XXI веков: этапы и пути разработки сюжета // Cuadernos de Rusística Española. 2024. Vol. 20. P. 205–220. DOI: 10.30827/cre.v20.31186.
2. Босига Я. Традиции «петербургской темы» литературы XIX в. в поэзии и прозе русского символизма и акмеизма. 2022.
3. Петрова З. Зооморфные метафоры и сравнения в современной русской прозе // Slavica. 2020. Vol. 49. DOI: 10.31034/049.2020.05.
4. Рашидова М. В., Арсакаева Х. С. Авторская пунктуация в прозе и поэзии М. Цветаевой. 2021. С. 80–84. DOI: 10.36684/41-2021-1-80-84.